

Настоящее

Астрид стала женщиной в тот самый день, когда ей предстояло впервые выйти на арену для тренировки драконов. Мать посмотрела на нее оценивающим взглядом, но кивнула. Отец с гордостью посмотрел на нее, прежде чем сесть на корабли и отправиться на поиски гнезд. Астрид восприняла это как ясный знак: ее детство закончилось, к добру или к худу. Теперь она была взрослой и должна была нести эту ответственность или быть раздавленной ею. А Астрид знала, как обстоят дела в клане Хофферсонов; ни один Хофферсон никогда не падал без боя.

Все это время она испытывала ужасную боль. Ей было жарко, холодно, потно и липко, и она не знала, чтобы ее низ живота когда-нибудь скручивался в такие мучительные узлы, даже когда она ела тухлую ракушечную рыбу, решившись на это. Но ее вызов был ясен, и ее будет преследовать сам Локи, прежде чем она позволит себе сдаться. Мать всегда была готова принять ее в конце дня с горячими компрессами и отварами, свежими тряпками, теплыми руками и огнем, так что она не видела, чтобы ей было на что жаловаться.

Конечно, до тех пор, пока они не столкнулись с наядой. Отбиваться от дракона и глупого мальчишки, который все время пытался с ней заговорить, да еще и боль, довели ее до предела терпимости. Низ живота болел еще сильнее, а Сморчок никак не хотел замолчать и уйти. Сам наяд тоже не был прогулкой по пляжу: он был острым, внимательным, точным и быстрым. В любой другой ситуации Астрид, возможно, даже обрадовалась бы, оказавшись против этого гордого существа, потому что опасность без вызова не стоит и соли, а этот дракон заставлял ее кровь бурлить в предвкушении хорошей охоты. Однако вместе с дискомфортом, вялым, дрожащим телом и слепнем Йоргенсена это привело ее в ярость.

Поэтому, когда она приземлилась на глупого мальчишку, который пытался быть неудобно добрым, вместо того чтобы оттолкнуть ее, чтобы они оба разошлись и убежали, у нее не осталось ни капли терпения. Как только ее адреналин улетучился от слепого замаха топором с щитом на приближающиеся зубы длиной в фут, она набросилась на нелепо трусящего мальчишку с той же злобностью, что и рептилия.

"Это что, игра для тебя?" - шипела она. "Война наших родителей скоро станет нашей". Она вздохнула, ее низ живота издал мстительный спазм, как будто дракон укусил ее, а Иккинг, скорчившийся на полу, вдруг потерял опору. На нем не было ни царапины, ни синяка, но он лежал так, словно его ударили и он имел право отдохнуть. Какое право он имел, когда ей было так больно! "Неудивительно, что твой отец так стыдится тебя!"

На арене воцарилась тишина, еще большая, чем после битвы. Иккинг несколько секунд неподвижно смотрел на нее широко раскрытыми, потрясенными глазами, прежде чем в них что-то изменилось. Он оттолкнулся от пола и встал так прямо, что почти достиг ее роста, а затем, с большей силой, чем она могла ему приписать, толкнул ее в плечи.

"Это неправда. Папа любит меня; не смей больше говорить плохо о моем отце", - шипел он на нее, его глаза были узкими и холодными. Того доброго, мягкого и неумелого человека, которого она привыкла видеть, здесь не было, и на мгновение ее потрясло, что этот твердолобый мужчина прячется за спиной бесхребетного мальчишки. Но Хофферсон не стал

бы толкаться и пускать все на самотек. Она сильно ударила его в живот и с наслаждением наблюдала, как он со стоном упал.

"Я бы говорила о нем плохо, если бы это не было правдой. Чем тут гордиться, Иккинг Хэддок? Ты только и делаешь, что наводишь беспорядок, а остальные убирают за тобой, и тебя с позором отправляют в твой дом. Какой отец не гордился бы этим!"

Иккинг вздрогнул, яростно посмотрел на нее, стиснув зубы, и выпрямился. Его глаза стали еще более каменными - на мгновение показалось, что он смотрит на самого Стоика, - но потом он хмыкнул и отвернулся, покинув арену, не сказав ни слова. Гоббер строго выговорил ей о командной работе, о том, что надо держать язык за зубами и уважать своего вождя, но Астрид была слишком занята присмотром за Иккингом и кипела.

Ответ Иккинга прозвучал самым неожиданным образом и доказал, что он достойный противник, нанеся самый сильный удар из возможных. Медленно, но верно Иккинг перестал быть бесполезной зубочисткой, которую вечно гоняют и тратят время тренировок на бессмысленные вопросы, и начал обгонять ее в мастерстве и ловкости против драконов. Хуже того, когда она решала напрямую противостоять ему, его никогда не было рядом; он приходил на тренировку, оставлял их всех далеко позади, отвлекал их разговорами и вопросами с мягкими манерами и добрыми словами, а потом исчезал навсегда. Казалось, он простил Астрид ее нескромный язык, но она не была глупой. Она не забыла выражение его лица, такое другое и гораздо более решительное, и это был слишком идеальный способ отомстить ей, чтобы быть совпадением.

Когда вернулся ее отец, все стало еще хуже: он весело смеялся, вместо того чтобы вместе с ней возмутиться тем, что честь, которая, казалось, была предназначена ей почти богом, отнял кто-то вроде Иккинга. Акции Стоика наконец-то принесли свои плоды, смеялся он; давно пора, но он полагал, что Стоик сам виноват в том, что все эти годы удерживал мальчика от того, что, очевидно, было его истинным призванием. Не стыдно быть побежденным хаддком, сказал он, в конце концов, не зря же они были ведущей кровной линией и главным кланом. Это было все равно что проиграть Тауфест клану Йоргенсонов - досадно, но неудивительно.

Помимо облегчения от того, что ее отец вернулся целым и невредимым, а ее первая женская кровь исчезла, Астрид была возмущена отношением отца. Разве не он учил ее, что любой вызов должен быть встречен и преодолен, иначе он тебя похоронит? Разве не он побуждал ее быть самой лучшей, чтобы всегда иметь право первого выбора во всем самом важном? Нет, Астрид Хофферсон не перестала бороться - и не перестала кипеть.

И поэтому, когда она увидела свою возможность, она глубоко вонзила в нее ногти. Поднявшись в свою комнату, она сразу заметила что-то неладное - зоркие глаза уловили сначала сложенный лист пергамента на ее кровати, а затем открытое окно, которое, как она знала, было закрыто. Бросившись к нему, она сразу же заметила в скудном лунном свете удаляющуюся фигуру своей соперницы и, не раздумывая ни секунды, бросилась в окно следом.

Это было нелегко: Иккинг был более приспособлен к скрытности, чем она ему приписывала - еще одна неожиданность, но она полагала, что это преимущество его маленького тела. Она

благодарила богов за то, что была искусным охотником, и ей удавалось следить за ним, не создавая шума, пока он входил в лес и ловко ориентировался в подлеске.

И вдруг она потеряла его из виду, словно земля поглотила его, и она чуть не выругалась вслух, пока не услышала его голос. Осторожно двигаясь, она подошла к оврагу и увидела широкое, глубокое отверстие, круглое, освещенное лишь отражением серповидной луны на озере воды внутри. Подобраться ближе было непросто, но она нашла отверстие, ведущее в бухту, и пробиралась туда, пока не уперлась спиной в валун, к которому, как ей показалось, он был близок. Астрид пожертвовала зрением мальчика - чувством, с которым она ничего не могла поделать из-за темноты и расстояния, - чтобы услышать, что он говорит.

"Да, я тоже рад тебя видеть... хорошо, да?" Раздался странный звук, словно кто-то шумно чмокнул губами. Иккинг хихикнул - довольно плоско. Тот, с кем он говорил, заметил это, потому что раздался глубокий стон. "Я знаю, я в порядке... только, кажется, я решил, приятель. Это просто неправильно, что я так поступил с Берком и с отцом. И с тобой тоже".

Астрид нахмурилась. С кем он говорил? И что он имел в виду? Она приготовила топор, кровь поднималась от волнения - он должен был говорить с тем, кто ответственен за его совершенствование на ринге. Никто не становился таким хорошим так быстро, особенно он. Что бы ни говорил ее отец, у Иккинга был секрет, а Хэддок или нет, вызов есть вызов. Она была бы не первым Хофферсоном, потерпевшим сокрушительное поражение. Прежде чем она успела вскочить, раздался еще один стон, от которого она застыла на месте, пытаясь определить местоположение своей ничего не подозревающей добычи без визуальных подсказок. Спутник Иккинга не произнес ни слова, а шуршание, волочение и звуки кожи указывали на то, что вещи перекалывают. Как раз в тот момент, когда она собиралась выскочить, держа топор наготове, Иккинг издал дрожащий вздох.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3043383>